

Сравнительный регионализм в изучении деятельности ШОС: возможности применения

Нинэль Яхьевна Гулам, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья призвана выявить возможности применения подхода к анализу эффективности региональных объединений, сформировавшегося в рамках сравнительного регионализма, в изучении и объяснении особенностей функционирования Шанхайской организации сотрудничества, созданной в период масштабных международно-политических трансформаций и являющейся в настоящее время одним из важнейших элементов региональной архитектуры безопасности. Особое внимание уделяется теории институционального дизайна А. Ачарии и А. Джонстона, обладающей инструментарием, позволяющим исследовать роль и место институтов в структурировании пространства вне зависимости от рассматриваемого региона, а также высветить различия между создававшимися со второй половины XX в. в Европе узкоспециализированными интеграционными объединениями с центральной ролью национальных государств и региональными инициативами, оформившимися в соответствии с логикой «нового регионализма» – явления международной жизни, которое обратило на себя внимание исследовательского сообщества в период кризиса биполярной системы. Рассмотрение ШОС с позиций данной теории позволяет заключить, что ее институциональный дизайн (т.е. структура, идейно-ценностная основа, порядок принятия решений и предоставления членства) отвечает интересам и запросам государств – членов объединения и обусловлен как экзогенными, так и эндогенными факторами. Исходя из этого, а также с точки зрения эффективности налаживания многостороннего регионального взаимодействия между государствами с принципиально различным историко-культурным бэкграундом, а в ряде случаев – имеющими противоречия на двусторонней основе, можно сделать вывод, что организация выполняет возложенные на нее задачи и, следовательно, представляется успешной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ШОС, регионализация, сравнительный регионализм, новый регионализм, институциональный дизайн, Центральная Азия

Введение

В XXI в. термины «регионализм» и «регионализация» прочно вошли в понятийный аппарат научных работ, посвященных международным отношениям. Впрочем, несмотря на довольно интенсивное развитие региональных исследований, данная область характеризуется наличием значительных теоретических и эмпирических лакун, что в особенности касается анализа деятельности сравнительно молодых региональных объединений незападного мира. В частности, многие вопросы, связанные с развитием региональных институтов на евроазиатском (и в особенности на постсоветском) пространстве зачастую «выпадают» из поля зрения теоретиков данного направления, вследствие чего у политико-академического сообщества могут формироваться не вполне корректные представления о назначении и вероятных результатах работы таких объединений.

Созданная в самом начале XXI в. Шанхайская организация сотрудничества за все время своего существования регулярно подвергалась критике экспертного сообщества, получая ярлык «дискуссионного клуба» и обвинения в неэффективности¹. Как отмечают многие авторы, формирование подобного отношения не только к этому, но и к целому ряду других западных региональных объединений обусловлено тем, что в сравнительных исследованиях, посвященных вопросам углубления регионального взаимодействия, долгое время доминировал европоцентричный подход, при котором европейский опыт политико-экономической интеграции и формирования институтов безопасности считался своеобразным «эталоном», при опоре на который оценивалась эффективность подобных инициатив в других частях света, а исследователи зачастую недооценивали значение контекста и обстоятельств становления той или иной модели регионального взаимодействия². Отход от указанного подхода стал наблюдаться в академической литературе в конце 1990-х – начале 2000-х гг., наряду с активизировавшимся интересом к зарождавшимся в тот период по всему миру новым форматам регионального сотрудничества³. В рамках исследований «нового регионализма» (пионерами которого считаются Б. Хеттне и Ф. Содербаум⁴) впервые появилась возможность оценивать деятельность западных региональных объединений не путем их сопоставления с «образцами» в лице Европейского союза и НАТО, но отталкиваясь прежде всего от целей, задач и приоритетов, обозначенных при их создании, а также опираясь на международно-политические и культурно-исторические особенности того или иного затрагиваемого региона, в то время как включение в более широкий «западный контекст» и сопоставление их друг с другом в рамках сравнительного регионализма помогло дать более корректное представление о типовых характеристиках таких объединений.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении возможностей теории институционального дизайна А. Ачарии и А. Джонстона, сформулированной на

1 Yun Sun, "Is the Shanghai Cooperation Organization Just a Talking Shop?" War on the Rocks, October 8, 2025, accessed January 10, 2026, <https://warontherocks.com/2025/10/is-the-shanghai-cooperation-organization-just-a-talking-shop/?singlepage=1>.

2 Байков 2012, 7; Hossein Aghaie Joobani, "The Shanghai Cooperation Organization in Light of Organization Theory," E-International Relations, February 22, 2013, accessed January 10, 2026, <https://www.e-ir.info/2013/02/22/the-shanghai-cooperation-organization-in-light-of-organization-theory/>.

3 Никитина 2010, 136.

4 Hettne, Söderbaum 1998, 11.

основе принципов сравнительного регионализма, в изучении и объяснении особенностей функционирования Шанхайской организации сотрудничества, являющейся в настоящее время одним из важнейших элементов евразийской архитектуры безопасности.

Обоснованность анализа различных аспектов деятельности ШОС через призму региональных исследований обусловлена в первую очередь ее самоопределением в качестве региональной организации, которое следует из терминологии, содержащейся в ее основополагающих документах. Так, в соответствии с Декларацией о создании Шанхайской организации сотрудничества, объединение «придает приоритетное значение региональной безопасности и предпринимает все необходимые усилия для ее обеспечения»¹; в Хартии Шанхайской организации сотрудничества отмечается, что «поддержание мира и укрепление безопасности и доверия в регионе»² представляет собой одно из основных направлений работы; весьма «говорящее» название носит и Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре. Наконец, в соответствии с Положением о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества, к числу главных критериев предоставления членства в объединении относится принадлежность государства к «евро-азиатскому региону»; несмотря на то что данному критерию удовлетворяет, по сути, любое государство в пределах континента Евразия, обозначение географических границ в подобном контексте уже позволяет исключить ее универсальный характер³. Эти, а также многие другие упоминания понятия «регион» в контексте описания мандата ШОС дают основание рассматривать ее в качестве региональной организации.

Отечественные региональные исследования отличаются весьма динамичным развитием и большим вниманием к специфике процессов регионализации за пределами евроатлантического макрорегиона (в особенности – в Азиатско-Тихоокеанском регионе), а также к разработке понятийного аппарата, теоретического и методологического инструментария зарубежного регионоведения. В данной связи необходимо упомянуть работы авторства А.Д. Воскресенского⁴, Е.В. Колдуновой⁵, М.М. Лебедевой⁶, А.А. Байкова⁷, Д.А. Кузнецова⁸, Ю.А. Никитиной⁹, А.А. Киреевой¹⁰, И.Л. Прохоренко¹¹. Исследования западных региональных процессов в англоязычной литературе получили свое наибольшее развитие начиная с 1990-х гг.: сюда следует отнести прежде всего работы пионеров «нового

1 Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Администрация Президента России. 14 июня 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3406> (дата обращения: 22.12.2025).

2 Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Администрация Президента России. 6 июня 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 16.01.2026).

3 Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества // Деловой совет ШОС. [Электронный ресурс]. URL: https://bcsco.ru/files/docs/polozhenie_o_poryadke_priema_novykh_chlenov_v_shanhajskuyu_organizaciyu_sotrudnichestva.pdf (дата обращения: 09.01.2026).

4 Воскресенский 2012.

5 Колдунова 2019.

6 Лебедева, Кузнецов 2019.

7 Байков 2012.

8 Кузнецов 2016.

9 Никитина 2009; 2010.

10 Воскресенский et al. 2017.

11 Прохоренко 2015.

регионализма» Б. Хеттне¹ и Ф. Содербаума², исследователя «мира регионов» П. Каценштейна³, а также внесших значительный вклад в развитие сравнительного регионализма А. Ачарии⁴, А. Джонстона⁵, Ф. де Ломберда, Л. Ван Лангенхове, Ф. Баэрта⁶ и других.

Проблематика функционирования ШОС в русскоязычной литературе представлена значительным числом как индивидуальных, так и коллективных исследований, в которых комплексно анализируется процесс становления институтов организации, механизм и принципы ее работы. Необходимо отметить, что эти вопросы, а также проблемы обеспечения евразийской безопасности в целом привлекают внимание прежде всего российского научно-экспертного сообщества, а также исследователей из зарубежных стран, непосредственно входящих в объединение; к этой категории следует отнести работы М.А. Конаровского⁷, М.Р. Аруновой⁸, Р.К. Алимова⁹, А.В. Лукина и А.Ф. Мочульского¹⁰, Ю.А. Никитиной¹¹, где подробнейшим образом рассматриваются предыстория и обстоятельства организационного становления ШОС; среди русскоязычных исследований представляет интерес и статья Г.Д. Хонрады и С.А. Бокерии¹², в которой проводится сравнительный анализ нарративов двух организаций, созданных и функционирующих в духе незападного регионализма – ШОС и АСЕАН.

При упоминании работ англоязычных исследователей по данной тематике необходимо оговориться, что довольно долгое время в западных академических кругах деятельность ШОС либо игнорировалась вовсе, либо сталкивалась со скептическим, если не враждебным отношением (организации присваивались такие характеристики, как «коалиция недемократических государств»¹³, «клуб диктаторов»¹⁴, «новый “Варшавский договор”»¹⁵ и т.п.). Тем не менее данный пласт научно-публицистической литературы также содержит ряд комплексных и фундированных работ, среди которых особый интерес представляет исследование С. Ариса: опубликованное в 2011 г., оно содержит значительное число выводов и наблюдений, актуальных и по сей день¹⁶. Необходимо выделить и работы представителей исследовательских сообществ стран, непосредственно входящих в ШОС (например, авторства С. Чжуангжи¹⁷, А. Анади¹⁸, Э. Кулаи и М. Тишеяр¹⁹ и т.п.), в т.ч. раскрывающие особенности применения теории «но-

1 Hettne 2003.

2 Hettne, Söderbaum 1998.

3 Katzenstein 1996.

4 Acharya 2012, 2016.

5 Acharya, Johnston 2007a.

6 De Lombaerde et al. 2010.

7 Конаровский 2015.

8 Арунова 2012.

9 Алимов 2017.

10 Лукин, Мочульский 2005.

11 Никитина 2009.

12 Хонрада, Бокерия 2023.

13 Obydenkova, Libman 2019, 226.

14 Maria Debre, "Five Questions on How Dictators' Clubs are Defending Autocracy," UC Institute on Global Conflict and Cooperation, August 8, 2025, accessed January 10, 2026, <https://ucigcc.org/blog/five-questions-on-how-dictators-clubs-are-defending-autocracy/>.

15 Heather Maher, "Central Asia: US Helsinki Commission Concerned About SCO's Influence," Eurasianet, October 1, 2006, accessed January 10, 2026, <https://eurasianet.org/central-asia-us-helsinki-commission-concerned-about-scots-influence>.

16 Aris 2011.

17 Zhuangzhi 2004.

18 Anadi 2024.

19 Koolae, Tisheyar 2014.

вого регионализма» при объяснении специфики организации. Англоязычные исследования ШОС А. Обыденковой и А. Либмана¹, И. Ахмада² и под редакцией М. Фредхольма³ также примечательны вниманием, уделенным специфике региональных взаимоотношений и историко-политическому контексту.

Вместе с тем в исследовательской литературе не наблюдается значительного интереса к рассмотрению ШОС в сравнительной перспективе. Настоящее исследование призвано отчасти решить данную задачу на основе теории институционального дизайна (*institutional design theory*), развитой А. Ачарией и А. Джонстоном в рамках сравнительного регионализма: их главная мысль состоит в том, что институциональный дизайн, понимаемый как механизм и структура организации, отвечает потребностям государств, формирующих то или иное международное объединение⁴. При опоре на данный тезис становится возможным анализ эффективности любой региональной организации, исходя из эффективности выполнения поставленных при ее формировании целей. Источниковой базой исследования послужили официальные документы, принятые в рамках ШОС, заявления должностных лиц и подвергнутые необходимой верификации материалы информационных интернет-ресурсов.

Сравнительный регионализм: исследовательский подход в процессе становления и поле для дискуссий

Современные региональные исследования можно охарактеризовать как относительно молодую область научного знания, прошедшую, тем не менее, долгий и непростой путь становления. Несмотря на это, а также на возрастающую актуальность изучаемой проблематики, многие принципиально важные для дальнейшего развития данного направления вопросы остаются дискуссионными; в частности, до сих пор существует проблема достижения консенсуса относительно понятийного аппарата, т.е. формулирования универсальных определений таких терминов, как «регион», «регионализм», «регионализация», «региональная интеграция» и их соотношения⁵. Не в последнюю очередь данная проблема обусловлена тем обстоятельством, что в исследовательской литературе по региональной тематике долгое время (начиная со второй половины XX в.) уделялось преимущественное внимание европейским интеграционным процессам, и потому в силу сложившейся за это время традиции понятие «интеграция» стало прочно ассоциироваться именно с этим явлением⁶. По этой причине к моменту активизации интереса научного сообщества к нарождающимся интеграционным инициативам в Азиатско-Тихоокеанском регионе исследователи столкнулись с необходимостью разработки отдельного понятийного аппарата для описания сходных процессов, наблюдавшимися за пределами Европы. Таким образом, уже на этапе становления региональных исследований в нынешнем

1 Obydenkova, Libman 2019.

2 Ahmad 2018.

3 Fredholm 2013.

4 Acharya, Johnston 2007a, 15–16.

5 Воскресенский 2012, 30.

6 Байков 2012, 93.

виде произошло их разделение на европейские и условно «незападные» (или, как указывает ряд авторов, «неевропейские»)¹.

Необходимость в разработке принципиально новых подходов к анализу различных форм регионального институционализированного сотрудничества начала появляться практически одновременно с распадом биполярной системы: характерно, что 1990-е гг. были отмечены повышенным интересом как отечественного, так и зарубежного исследовательского сообщества к данной проблематике. Одними из первых вопрос о пересмотре сложившихся практик подняли шведские исследователи Б. Хеттне и Ф. Содербаум, указывая, что «классическая» европейская модель интеграции наряду с альянсами по типу НАТО, создававшимися с целью военно-политического сдерживания, представляет собой форматы сотрудничества, которые были актуальны и востребованы лишь в историческом контексте холодной войны; вместе с тем в период зарождения полицентричной системы международных отношений формирование региональных объединений стало происходить под влиянием целого ряда новых факторов, в числе которых – размывание позиций США на мировой арене и «подъем» новых региональных центров (в особенности – в Азиатско-Тихоокеанском регионе), усиление глобальной финансово-экономической взаимосвязанности и взаимозависимости как следствие устранения ограничений времен холодной войны, возросшая роль негосударственных акторов в мировой экономике и политике и т.п.; таким образом, исследователи проводят разграничение между «старым регионализмом» – специфическим феноменом, «возникшим в 1950-е и постепенно угасшим в 1970-е» и описывающим узкоспециализированные интеграционные процессы с центральной ролью национальных государств, происходившие преимущественно в Европе, и «новым регионализмом» – явлением международной жизни, «зародившимся в середине 1980-х» и отражающим структурные преобразования глобальной системы, происходившие начиная с этого периода². Более поздние попытки авторов модифицировать представленный подход оставили в силе такие значимые отличия «нового регионализма» от «старого», как отказ объединений от жестких рамок в членстве, в специализации и формах взаимодействия; наконец, было замечено, что в обновленных международно-политических условиях одной из задач «неевропейского» регионализма становится ограждение национальных государств от негативного влияния глобализации (а точнее, ее неолиберальной версии)³.

Тезис о недопустимости оценки незападных (в частности, азиатских) региональных проектов сотрудничества при опоре на европейский опыт интеграции, где второе берется за «эталон», на фоне которого первое признается несостоятельным, встречается в работах многих исследователей незападных региональных процессов, в частности теоретика «мира регионов» П. Каценштейна, указывавшего на необходимость проведения сравнительного анализа в региональных исследованиях для понимания фундаментальных различий, пролегающих между европейскими и азиатскими форматами взаимодействия, и принятия их права

1 De Lombaerde et al. 2010, 753.

2 Hettne, Söderbaum 1998, 7.

3 Hettne 2003, 30.

на существование¹, а также А. Ачарии, призывавшего уйти не просто от европоцентризма, но от ЕС-центризма, т.е. убеждения, что ЕС представляет собой самое успешное региональное объединение в истории, примеру которого должны следовать региональные объединения других частей света, поскольку европейский интеграционный опыт является частным случаем, оказавшимся возможным лишь в определенном, «эндемичном» для Европы историко-политическом контексте, и потому имеет весьма ограниченное применение². По мнению многих исследователей, обособившийся в качестве самостоятельного исследовательского направления в 2000-х гг. сравнительный регионализм представляет собой не что иное, как попытку преодолеть как европоцентризм, так и ЕС-центризм в региональных исследованиях за счет включения в сравнительный анализ большего количества незападных (или, в ряде случаев, «неевропейских») институтов³. При этом к настоящему моменту его предметное поле, находясь на стыке целого ряда обществоведческих дисциплин и научных направлений, характеризуется концептуальным плюрализмом, эклектичностью и фрагментированностью за счет отсутствия консенсуса по большинству принципиально важных вопросов (в числе которых – уже упоминавшийся вопрос понятийного аппарата), а также продолжающегося роста числа теоретических и методологических подходов, что обусловлено многомерностью и многофакторностью изучаемого явления⁴; в данной связи зарубежные исследователи выделяют, соответственно, три его наиболее актуальные проблемы – концептуальную, теоретическую и методологическую⁵. К числу дискуссионных также относится вопрос о том, возможно ли в принципе создание общей теоретико-методологической базы современного сравнительного регионализма, или же он так и останется совокупностью разрозненных конкурирующих между собой подходов⁶.

Представляется, что для решения обозначенных проблем в перспективе потребуется «примирение» исследователей европейских интеграционных процессов с одной стороны, и «неевропейских» региональных инициатив – с другой, наряду с приверженцами различных теоретических точек зрения и исследовательских традиций, что также представляется крайне непростой задачей⁷. Одна из попыток систематизировать переменные для проведения сравнительного анализа объединений вне зависимости от их региональной принадлежности была предпринята авторами теории институционального дизайна А. Ачарией и А. Джонстоном, основная задача которой состоит в выявлении факторов, влияющих на формирование институционального дизайна объединения, а также его взаимосвязи с характером осуществляющегося в его рамках взаимодействия⁸. Опираясь на положения теории рационального выбора, теория институционального дизайна также предполагает, что международные институты (в том числе региональные объединения) являются продуктом сознательных действий

1 Katzenstein 1996, 125.

2 Acharya 2016, 110.

3 Acharya 2012, 12.

4 Söderbaum 2016, 33.

5 De Lombaerde et al. 2010, 734.

6 Acharya 2012, 13.

7 De Lombaerde et al. 2010, 753.

8 Acharya, Johnston 2007a, 16.

государств (в меньшей степени – негосударственных акторов), и различия в их дизайне неслучайны: они – результат рационального, целенаправленного взаимодействия между государствами и другими международными субъектами для решения конкретных проблем¹. Исследователи выделяют «элементы институционального дизайна» (*features of institutional design*) регионального объединения, а именно: 1) основания предоставления членства в объединении (*membership*); 2) сфера компетенций (*scope*), т.е. круг вопросов, которые организация уполномочена решать и степень ее вмешательства во внутреннюю политику государств-членов; 3) порядок принятия решений (*formal rules*); 4) идейно-ценностная основа объединения (*norms*) – «формальная, либо неформальная идеология организации»; 5) мандат организации (*mandate*), т.е. основная цель, с которой она была сформирована². Помимо этого, авторы приводят переменные, влияющие на становление институционального дизайна в каждом конкретном случае (*explanations for institutional design*), которые, в свою очередь, включают: 1) тип проблемы сотрудничества (*type of cooperation problem*); 2) число участников (*number of actors*); 3) степень региональной сплоченности или наличие общерегиональной идентичности (*ideology and identity*); 4) специфика внутривнутриполитических процессов государств региона – политические режимы, наличие этнополитических конфликтов и т.п. (*domestic politics*); 5) влияние внерегиональных факторов – международных и региональных организаций, НПО (*extra-regional institution OR non-state actors as agents of change*); 6) значение географического фактора (*geography*).

В рамках проведенного А. Ачарией и А. Джонстоном сравнительного исследования был рассмотрен институциональный дизайн целого ряда региональных организаций и объединений западного (Европейский союз, НАТО) и незападного мира (АСЕАН, Лига арабских государств и др.). Проведенное сопоставление высветило существенные различия, пролегающие между созданными в соответствии с логикой «старого регионализма» объединениями развитых стран (ЕС и НАТО) и «неевропейскими» региональными форматами, начиная с мотивов, побуждающих государства сотрудничать (функциональные соображения против нормативных), и заканчивая механизмом принятия коллективных решений³. В частности, результаты исследования позволили говорить, что многие незападные государства путем создания региональных структур реализуют свое стремление не углублять региональные интеграционные процессы, а напротив – укреплять собственный суверенитет, сохранять имеющуюся политическую автономию и помогать друг другу в устранении явлений, представляющих угрозу политической и экономической стабильности, и зачастую именно этой цели и отвечает институциональный дизайн объединений, формировавшихся в постбиполярный период⁴. Особенно логичными эти выводы выглядят в свете того обстоятельства, что незападный мир аккумулирует государства с развивающимися экономиками, нередко весьма уязвимыми для внешних потрясений, а также различных видов принуждения со стороны более развитых государств. В случае же с евроазиатским

1 Koremenos et al. 2001, 762.

2 Acharya, Johnston 2007a, 22.

3 Acharya, Johnston 2007b.

4 Acharya, Johnston 2007a, 19–20.

пространством (и в особенности с центральноазиатским регионом) речь идет о государствах, по историческим меркам, с относительно недавно приобретенным суверенитетом, которым они не желают поступаться и делегировать даже незначительную его часть на наднациональный уровень.

Сравнительный регионализм как ключ к пониманию специфики ШОС

Шанхайская организация сотрудничества, в настоящее время охватывающая значительную часть евроазиатского пространства, была официально основана 15 июня 2001 года. Решение о ее создании было зафиксировано в Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества, принятой днем ранее главами Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Киргизской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан на саммите, проходившем в Шанхае¹. Институциональному оформлению этого объединения в составе шести государств предшествовал ряд других, весьма значимых исторических событий и вех. Известно, что своими корнями процесс становления организации уходит в проходившие на рубеже 1970–1980-х гг. советско-китайские переговоры по урегулированию пограничных споров и противоречий, цель которых, помимо прочего, заключалась в снижении напряжения, накопившегося в отношениях двух держав за долгие годы соперничества, а временами – неприкрытой вражды². Урегулирование территориального вопроса сыграло ключевую роль в восстановлении отношений, а также создало возможность построения обновленной архитектуры регионального взаимодействия, реализованную на рубеже 1990–2000-х годов.

Необходимо отметить, что образовавшиеся в результате распада СССР государства Центральной Азии в это время видели в качестве одной из своих первоочередных задач формирование обособленной идентичности. Период 1990-х гг. в этом регионе был ознаменован поиском собственных парадигм развития, а также ростом национализма, естественным образом обусловившего нежелание политических элит молодых государств поступаться недавно приобретенным суверенитетом в пользу наднациональных структур и проектов, что породило центробежные тенденции в сфере регионального сотрудничества³. Этим фактором, в том числе, можно объяснить несостоятельность интеграционных инициатив, выдвигавшихся с целью объединения пяти центральноазиатских государств в конце 1990-х – начале 2000-х гг.: сама логика всеобъемлющей интеграции противоречила происходившему параллельно процессу государственного строительства, начавшегося после распада СССР и не завершеного на момент первых попыток объединения в середине 1990-х годов.

1 О Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. 8 декабря 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.sectso.org/20151208/16789.html> (дата обращения: 12.01.2026).

2 Лавренов, Попов 2003, 356.

3 Князев, А.А. Перспективы региональной дезинтеграции Центральной Азии // Независимая газета. 14 июня 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/courier/2020-06-14/11_7884_asia.html (дата обращения: 10.01.2026).

Вместе с тем недавно обретшим независимость Казахстану, Таджикистану и Киргизии предстояло решить одну из важнейших задач на пути укрепления собственной государственности, а именно – провести делимитацию и демаркацию государственных границ с их общим соседом Китаем. В данной связи идея создания механизма многостороннего регионального сотрудничества с целью повышения уровня взаимного доверия в приграничных районах, предпосылки чему сложились в результате двустороннего российско-китайского взаимодействия, была воспринята в этих странах положительно. Таким образом, основным мотивом взаимодействия вновь образованных государств с Китаем в данный период стало разрешение имевшихся и предотвращение дальнейших пограничных конфликтов между участниками переговорного процесса¹. В таких условиях соответствующие встречи глав государств послужили основой для создания нового регионального формата сотрудничества: начиная с 1996 г. саммиты в рамках регионального объединения, получившего название «Шанхайской пятерки», стали проводиться на регулярной основе, а само объединение начало «обращаться» дополнительными договоренностями. Собственно, факт формирования Шанхайской организации сотрудничества на базе соглашений об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, подписанных, соответственно, в Шанхае и Москве в 1996 и 1997 гг., отражен непосредственно в Декларации о создании Шанхайской организации сотрудничества².

В соответствии с Декларацией, основные цели данного объединения заключаются в поддержании многостороннего регионального взаимодействия в целом ряде сфер (политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной, энергетической, транспортной, экологической и других) и повышении уровня взаимного доверия между государствами-членами, а также, что немаловажно, в стабилизации региональной обстановки в сфере безопасности³. В этом документе также был представлен свод принципов организации, определяемый как «шанхайский дух», который составляет идейную основу ШОС и характеризуется «взаимным доверием, взаимной выгодой, равенством, взаимными консультациями, уважением к многообразию культур, стремлением к совместному развитию»; помимо этого, в основу взаимодействия стран-участниц в рамках организации положены принципы «взаимного уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности, равноправия и взаимной выгоды, решения всех вопросов путем взаимных консультаций, невмешательства во внутренние дела, неприменения военной силы или угрозы силой, отказа от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах», а также цели и принципы, заложенные в Уставе Организации Объединенных Наций⁴.

Несмотря на значительный исследовательский интерес к ШОС, ее однозначная типологическая классификация в рамках устоявшихся теоретических

1 Cohen 2006, 1.

2 Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества.

3 Ibid.

4 Ibid.

моделей международных институтов представляет непростую задачу. По мысли некоторых авторов, организация занимает промежуточную позицию между полноценным военно-политическим блоком и открытым региональным диалогом по безопасности, не являясь в полном смысле ни тем, ни другим; при этом ее повестка не ограничивается вопросами сотрудничества в сфере безопасности, включает экономические и гуманитарные аспекты¹. Другие исследователи видят в ШОС своего рода «рамочную организацию», способную структурировать политические процессы на евроазиатском пространстве². Разнообразие мнений по данному вопросу говорит о том, что сформированная в рамках ШОС модель регионального взаимодействия многим представляется непривычной, и по этой причине у исследовательского сообщества пока отсутствует единый подход к пониманию критериев, позволяющих судить о ее эффективности и «успешности», а также прогнозировать ее дальнейшую судьбу. Тем не менее подобная характеристика, во-первых, отражает специфику регионального контекста, а также международно-политических условий, в которых формировалась организация, и, во-вторых, вполне укладывается в логику «нового регионализма», допускающего практически любые вариации форматов регионального взаимодействия и предоставляющего инструменты для их изучения. Для лучшего понимания природы ШОС, объяснения специфики ее структуры и идейной основы, а также выявления свойственных ей ограничений может быть использована теория институционального дизайна А. Ачарии и А. Джонстона, в частности – матрица, включающая т.н. элементы институционального дизайна.

Основания предоставления членства

Исходя из содержания основополагающих документов ШОС, членство в ней предоставляется по принципу инклюзии: в соответствии с Положением о порядке приема новых членов, организация является открытой для вступления любого государства, принадлежащего «к евро-азиатскому региону», а также не нарушающего международно-правовые нормы и принципы и поддерживающего активные дипломатические, экономические и гуманитарные связи со странами – членами ШОС; решение о предоставлении членства принимается Советом глав государств – членов организации после прохождения заявителем установленной процедуры, включающей направление главой государства обращения в СГГ с просьбой о вступлении, выполнение государством-заявителем ряда обязательств, указанных в соответствующем Меморандуме, включая присоединение к действующим в рамках ШОС международным договорам, и участие в формировании бюджета объединения³. Таким образом, никаких требований, связанных с трансформацией политических и экономических систем, к странам-заявителям не предъявляется. В организациях же, создававшихся в логике «старого регионализма» – ЕС и НАТО – напротив, доминирует принцип эксклюзии, что обусловлено как более четко очерченными региональными границами, так и наличием гораздо более строгих политических, экономических и военных критериев для

1 Зимонин 2008, 202.

2 Сафранчук 2015, 92.

3 Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества.

вступления и требованиями таких организаций к разделению специфических норм и ценностей, а также принципов управления государством и взаимодействия с внешним миром, принятых их участниками¹.

Сфера компетенций (scope)

По мере институционального развития Шанхайской организации сотрудничества в ее рамках создавались различные органы и механизмы, назначение которых сводилось в основном к обеспечению коммуникации между государствами-членами и координации их действий (в связи с чем многие авторы относят данное объединение скорее к числу межгосударственных, нежели надгосударственных)². В 2004 г. были созданы единственные по сей день постоянно действующие исполнительные органы в рамках ШОС – это Секретариат и Региональная антитеррористическая структура³. Помимо них в рамках организации создавалось множество *ad hoc* механизмов. Однако все принимаемые ими решения, так или иначе, носят рекомендательный характер и никаких санкций в отношении государств, отказавшихся от их выполнения, не предусматривается. Наконец, в самой Декларации о создании ШОС однозначно говорится о недопустимости вмешательства во внутренние дела входящих в нее государств и об уважении их суверенитета и независимости. По этой причине можно говорить об отсутствии у организации каких-либо рычагов влияния на внутреннюю политику государств-членов и принимаемые ими на национальном уровне решения.

Говоря же о круге вопросов, решение которых возложено на объединение, следует отметить, что с момента своего образования в середине 1990-х гг. в формате «Шанхайской пятёрки» оно уделяло первостепенное внимание вопросам безопасности: прежде всего имелось в виду ее обеспечение в приграничных районах между государствами-членами, но вскоре была обозначена необходимость скоординированных усилий по борьбе с т.н. тремя злами – терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на пространстве ШОС⁴. Впоследствии, по мере институционального оформления организации, ее повестка расширилась за счет целого ряда смежных вопросов, решение которых могло внести вклад в улучшение региональной обстановки в сфере безопасности; так, среди направлений сотрудничества ШОС, согласно принятой в 2002 г. Хартии, упоминаются «поддержка и поощрение регионального экономического сотрудничества в различных формах», транспортно-логистическое, природоохранное сотрудничество, а также «расширение взаимодействия в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры, спорта и туризма»⁵. С этой целью в рамках ШОС на регулярной основе проводятся совещания и встречи руководителей отраслевых министерств и ведомств стран-участниц (например, министров иностранных дел, обороны, юстиции, транспорта, образования, культуры, а также генеральных прокуроров, секретарей Советов безопасности и т.д.), а также функционирует

1 Acharya, Johnston 2007b, 247.

2 Aris 2011, 5.

3 Лукин, Мочульский 2005, 10.

4 Obydenkova, Libman 2019, 219.

5 Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Администрация Президента России. 6 июня 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 16.01.2026).

ряд неправительственных координационных структур (трехуровневый механизм взаимодействия антинаркотических ведомств, Деловой совет, Межбанковское объединение, Молодежный совет и др.)¹.

В соответствии с классификацией А. Ачарии и А. Джонстона, круг вопросов, которые организация уполномочена рассматривать, несмотря на очевидный акцент на тематике региональной безопасности, можно охарактеризовать как широкий (*broad*), в то время как степень ее вмешательства во внутреннюю политику государств-членов – весьма низкой (*unintrusive*), что ставит ее в один ряд с региональными институтами Азиатско-Тихоокеанского региона (где наиболее ярким примером выступает АСЕАН), а также Лигой арабских государств и Африканским союзом².

Порядок принятия решений

В соответствии с Хартией ШОС, все решения в рамках организации и ее отдельных институтов «считаются принятыми, если ни одно из государств-членов в процессе согласования не возразило против них»³, т.е. по принципу консенсуса. Интересно, что, согласно выводам, содержащимся в исследовании А. Ачарии и А. Джонстона, в большинстве объединений за пределами Европы (по крайней мере, тех, чья деятельность анализировалась в работе) решения также принимаются консенсусом, и в целом по этому конкретному критерию неевропейские организации друг от друга отличаются незначительно; в числе других сходств – соблюдение принципов уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела других государств, приверженности мирному разрешению споров и отказа от угрозы силой или ее применения⁴. Приверженность принципу консенсуса в подобных случаях объясняется тем, что таким образом государства-члены стремятся пресечь попытки вынесения каких-либо вопросов на наднациональный уровень и, как следствие, навязывания им обязательств по исполнению принятых на этом уровне решений⁵. Вместе с тем, ввиду объективных сложностей выступления всех участников ШОС с единых позиций, усугубившихся с расширением членства организации, интересно отметить, что отказ от участия в тех или иных совместных проектах незаинтересованных государств-членов не препятствует их осуществлению с участием заинтересованных сторон⁶.

Идейно-ценностная основа ШОС

Как уже было сказано ранее, согласно основополагающим документам ШОС, ее идейной основой выступает т.н. шанхайский дух⁷. Из этого следует, что, в отличие от европейских институтов, предоставление членства в ШОС не увязывается

1 Структура Шанхайской организации сотрудничества (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 17 мая 2005. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1744095/ (дата обращения: 16.01.2026).

2 Acharya, Johnston 2007b, 252.

3 Хартия Шанхайской организации сотрудничества.

4 Acharya, Johnston 2007b, 253.

5 Barnett, Solingen 2007, 213.

6 Хартия Шанхайской организации сотрудничества.

7 Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества.

с принятием государствами какой-либо идеологии, проведением определенной универсальной внутренней политики и созданием конкретной схожей для участников экономической модели. Создатели ШОС изначально вкладывали в ее основу принципы, позволяющие обеспечить продуктивную совместную работу по вопросам, представляющим взаимный интерес участников в условиях идейно-ценностного разнообразия, и невзирая на существующие различия в подходах к государственному управлению и хозяйствованию. Выводы А. Ачарии и А. Джонстона говорят, что большинство западных региональных объединений на сегодняшний день также склонны поддерживать в своих рядах идеологическое многообразие, что резко контрастирует с ЕС и НАТО, демонстрирующими приверженность либеральным принципам в политике и экономике¹.

Мандат организации (mandate)

По мнению многих исследователей, задача ШОС сводится, прежде всего, к координации усилий по отражению угроз безопасности, проистекающих в первую очередь изнутри самого региона (т.е. по периметру ШОС)². Однако при этом, как уже упоминалось ранее, организация не обладает инструментами и механизмами вмешательства во внутренние дела своих участников, что лучше всего видно на примере функционирования Региональной антитеррористической структуры (PATC), основная функция которой заключается в анализе данных и выработке предложений для стран-членов по противостоянию «трем злам», определенным в принятой одновременно с созданием организации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; сама по себе PATC не служит непосредственным инструментом предотвращения перечисленных деяний (учитывая, что организация не является военным блоком и не располагает вооруженными силами)³. В соответствии с классификацией А. Ачарии и А. Джонстона, мандат региональных организаций может быть распределительным (*distributive*), т.е. нацеленным на «распределение какого-то потенциально дефицитного блага», и совещательным (*deliberative*), т.е. направленным на «обсуждение и разрешение потенциальных конфликтов интересов», причем к первому типу авторы относят ЕС и НАТО (за исключением формата «Партнерства ради мира»), а также отчасти Организацию американских государств (ОАГ), а ко второму – рассмотренные в исследовании азиатские, африканские и ближневосточные региональные группировки⁴. Опираясь на приводившиеся в рамках данной работы характеристики ШОС, представляется возможным также отнести ее мандат к категории совещательных.

Теорию институционального дизайна А. Ачарии и А. Джонстона можно считать одним из наиболее успешных вариантов реализации подхода, предлагаемого в рамках сравнительного регионализма, поскольку она обладает удобным инструментарием, позволяющим исследовать роль и место институтов в структурировании регионального пространства вне зависимости от

1 Acharya, Johnston 2007b, 255.

2 Aris 2011, 75–76.

3 Хартия Шанхайской организации сотрудничества.

4 Acharya, Johnston 2007a, 22.

рассматриваемого региона. Однако, как и любая теория в рамках политической науки, она не лишена «узких мест», в числе которых – чрезмерный акцент на идейном измерении региональных отношений в ущерб вниманию материальным факторам, в частности – торгово-экономическим взаимосвязям и их влиянию на политические процессы; кроме того, во многом базируясь на положениях теории рационального выбора, теория институционального дизайна не всегда способна в должной мере учитывать глубинный историко-культурный контекст становления региональных взаимоотношений; несмотря на то что авторы теории признают важность исторических факторов, последние, тем не менее, не играют решающей роли в анализе и практически не оказывают влияния на его результаты¹.

Так или иначе, выводы, полученные в результате проведенного в настоящей работе прикладного анализа ШОС через призму теории институционального дизайна, способны содействовать объяснению специфики процедуры принятия решений по животрепещущим вопросам региональной безопасности, в число которых, безусловно, входит и вопрос выработки и согласования коллективных подходов к взаимодействию с Афганистаном. Находясь в повестке организации практически с самого момента ее основания и представляя очевидную значимость для большинства входящих в нее государств, «афганский вопрос» (вопрос принятия Афганистана в ряды ШОС, а до того момента – налаживания сотрудничества организации с этой страной с целью купирования исходящих с ее территории угроз безопасности сопредельным государствам и создания соответствующих механизмов) продолжал оставаться нерешенным на протяжении долгих лет вплоть до настоящего времени, несмотря на более чем активное развитие отношений ШОС с администрацией Исламской Республики Афганистан, наблюдавшееся в 2000-е годы². И если до 2021 г. а отсутствие прогресса по данному вопросу могло объясняться объективными обстоятельствами (вооруженный конфликт на территории ИРА с иностранным участием; влияние коалиции западных государств во главе с США на процессы ее государственного строительства и постконфликтного восстановления, в совокупности обусловившие ограниченную самостоятельность афганского руководства во внешнеполитической сфере), то с повторным приходом к власти Движения талибов и прекращением активного вовлечения США в «афганские дела» формальные препятствия к возобновлению диалога устранялись.

В образовавшихся условиях стала более очевидна значимость институционального дизайна Шанхайской организации сотрудничества в этом процессе, а именно – положенного в его основу консенсусного принципа принятия решений, из-за которого обсуждение принципиальных вопросов повестки зачастую не приводит к сколь-либо ощутимым результатам, а принятые в рамках объединения официальные документы могут подвергаться «выхолащиванию», чем большее число участников оно в себя включает³. В частности, несмотря на то что участники организации регулярно выступали за «разморозку» Контактной

1 Acharya, Johnston 2007a, 21.

2 Арунова 2012, 14.

3 Acharya, Johnston 2007a, 17.

группы ШОС – Афганистан (деятельность которой была приостановлена в 2021 г.), отмечая преимущества подобного механизма многостороннего регионального взаимодействия с Афганистаном в условиях становления нового политического режима, на очередном заседании Совета глав государств, состоявшемся в июле 2024 г., в связи с возражениями Таджикистана по данному вопросу его рассмотрение в очередной раз было отложено¹.

Специфика институционального дизайна, выступающая в данном случае препятствием для принятия консолидированного решения по одному из ключевых вопросов повестки объединения, а также различие внешнеполитических практик и приоритетов вынуждают государства-члены выносить обсуждение «афганского вопроса» за пределы ШОС, зачастую отдавая предпочтение взаимодействию в рамках *ad hoc* механизмов и площадок, позволяющих учитывать особенности национального подхода каждого участника (ярким примером является Московский формат консультаций по Афганистану, заседания которого с различной периодичностью проводились начиная с апреля 2017 г.), либо же вовсе ограничиваясь двусторонним сотрудничеством с Кабулом в сферах, представляющих взаимный интерес². Можно также предположить, что именно по причине отсутствия определенного регионального консенсуса не только по вопросу принятия Афганистана, уже обладающего статусом наблюдателя, в ряды ШОС, но и о принципиальной допустимости официального взаимодействия с правительством Движения талибов, данный вопрос в настоящее время не выносится на обсуждение в рамках организации³.

Резюмируя, констатируем, что Шанхайская организация сотрудничества со всей очевидностью не вписывается в логику «старого регионализма», представляя собой региональную организацию с широкой повесткой, чьи государства-участники объединены стремлением сохранить и укрепить собственный суверенитет в условиях международно-политической турбулентности формирующегося полицентричного миропорядка, организацию, остающуюся открытой для вступления государств, принадлежащих к «евро-азиатскому региону» и готовую к сотрудничеству в рамках специализированных форматов со странами, не удовлетворяющими этому критерию. Организация демонстрирует большинство признаков незападных региональных объединений, выявленных в исследовании А. Ачарии и А. Джонстона: в частности, она характеризуется сравнительно невысоким уровнем институционализации, что также свидетельствует о стремлении государств – участников не к углублению региональной интеграции, а к сохранению своей автономии и суверенитета наряду с улучшением ситуации с безопасностью в регионе (т.е. устранением угроз стабильности), и именно этим целям отвечает ее институциональный дизайн, не предполагающий наличия наднациональных органов. Исходя из этого, а также с точки зрения эффектив-

1 Россия поддержала возобновление работы группы ШОС – Афганистан, заявил МИД // РИА Новости. 11 июня 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20240611/shos-1952098076.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzien.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 25.12.2025).

2 Участники московского формата обсудят нацбезопасность Афганистана // ТАСС. 7 октября 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/25266607> (дата обращения: 25.12.2025).

3 Хакимов заявил, что заявка Афганистана на вступление пока не рассматривается // ТАСС. 9 июля 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/21314029> (дата обращения: 25.12.2025).

ности налаживания многостороннего регионального взаимодействия между государствами с принципиально разным историко-культурным бэкграундом, а в ряде случаев – имеющими противоречия на двусторонней основе, организацию можно считать успешной.

Заключение

Шанхайская организация сотрудничества, появление которой на рубеже 1990–2000-х гг. пришлось на сложный период международно-политических трансформаций, решительным образом повлиявших на процессы структурирования не только евроазиатского, но и мирового пространства, представляет собой яркий пример объединения, созданного и функционирующего в соответствии с духом и логикой «нового регионализма».

Во-первых, несмотря на существующие ограничения в ее механизме расширения членства, ШОС не является закрытым блоком, и, соответственно, не вписывается в логику старого, «закрытого» регионализма: ее определение «региона» не очерчено жесткими рамками, хотя одним из критериев для принятия в ряды организации является принадлежность страны к «евро-азиатскому региону».

Во-вторых, у ШОС, по крайней мере на данный момент, нет стремления углублять интеграционные процессы в какой бы то ни было сфере, а ее основная задача сводится к сохранению и поддержанию существующего регионального статус-кво, поскольку один из ее основополагающих принципов – невмешательство во внутренние дела государств-участников.

Ввиду этих, а также целого ряда других упоминавшихся в данной работе обстоятельств, институциональная структура ШОС отвечает тем задачам, которые были на нее возложены государствами-основателями. Принципы, составляющие идейную основу ШОС, имеют ключевое значение в вопросе понимания ее природы как организации, которой удалось стать эффективной и авторитетной площадкой многостороннего регионального взаимодействия между государствами с крайне различными политическими культурами, в ряде случаев известными своими неизбежными двусторонними противоречиями, при этом не лишенной свойственных подобного рода объединениям естественных ограничений.

Высоким объяснительным потенциалом здесь обладает теория институционального дизайна, разработанная А. Ачарией и А. Джонстоном в начале 2000-х гг. в рамках сравнительного регионализма и призванная, в том числе, компенсировать недостатки подходов, применявшихся ранее в региональных исследованиях в целом и в изучении «неевропейского» регионализма в частности. Она также хорошо демонстрирует, что преувеличение (свойственное неолиберальному институционализму) и преуменьшение (характерное для реалистской парадигмы и во многом для структурного реализма) значения институтов в международных отношениях в равной степени вредят пониманию роли, которую они в действительности играют в структурировании регионального пространства. Это позволяет заключить, что теоретические исследования в области сравнительного регионализма предоставляют эффективный аналитический инструментарий для комплексного изучения ШОС, раскрывая ее как уникальный, аутентичный регио-

нальный формат сотрудничества, появление которого на рубеже 1990–2000-х гг. на евроазиатском пространстве представляется логичным и обоснованным, и при этом высвечивая очевидные ограничения, свойственные этой организации наряду с большинством современных региональных институтов, созданных в соответствии с духом и логикой «нового регионализма». Несмотря на относительную «молодость» данного подхода, он делает возможным всесторонний и объективный анализ специфики функционирования ШОС, за последние годы не раз получавшей обвинения в «неэффективности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алимов, Р.К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. Москва: Издательство «Весь Мир», 2017.
- Alimov, Rashid K. *Shankhaikskaya organizatsiya sotrudnichestva: stanovlenie, razvitiye, perspektivy*. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2017 [In Russian].
- Арунова, М.П. ШОС и афганская проблема. М.: Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока, 2012.
- Arunova, Marianna R. *SHOS i afganskaya problema*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, Institut Blizhnego Vostoka, 2012 [In Russian].
- Байков, А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012.
- Baykov, Andrey A. *Sravnitel'naya integratsiya. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoi Evrope i Tikhookeanskoi Azii*. Moscow: Aspekt Press, 2012. [In Russian].
- Воскресенский, А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 2. С. 30–58.
- Voskresenskii, Alexey D. "Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, and Regional Transformations in the Contemporary IR." *Comparative Politics*, no. 2 (2012): 30–58 [In Russian].
- Воскресенский, А.Д., Колдунова, Е.В., Киреева, А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. 2017. № 2. С. 37–57.
- Voskresenskii, Alexey D., Ekaterina V. Koldunova, and Anna A. Kireeva. "Transregional and Regional Projects in the Context of the 'Post-Western' International Reality." *Comparative Politics*, no. 2 (2017): 37–57 [In Russian].
- Зимонин, В.П. Шанхайская организация сотрудничества и евразийское измерение безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: Материалы круглого стола. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 198–202.
- Ziminin, Vyacheslav P. "Shankhaikskaya organizatsiya sotrudnichestva i evraziiskoe izmerenie bezopasnosti." *Shankhaikskaya organizatsiya sotrudnichestva: k novym rubezham razvitiya: Materialy kruglogo stola*. Moscow: IDV RAN, 2008 [In Russian].
- Колдунова, Е.В. Региональные трансформации в Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка // Сравнительная политика. 2019. № 4 (10). С. 52–64.
- Koldunova, Ekaterina V. "Regional Transformations in Southeast Asia and the Problem of Just Regional (and World) Order." *Comparative Politics* 10, no. 4 (2019): 52–64 [In Russian].
- Конаровский, М.А. Расширение ШОС: возможности и проблемы // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного университета международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2015. №1 (11). С. 105–118.
- Konarovskii, Mikhail A. "SCO Expansion: Opportunities and Challenges." *Yearbook of the Institute of International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation* 11, no. 1 (2015): 105–118 [In Russian].
- Кузнецов, Д.А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. 2016. № 7 (2(23)). С. 14–25.
- Kuznetsov, Denis A. "Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization." *Comparative Politics* 7, no. 2 (23) (2016): 14–25 [In Russian].
- Лавренев, С.Я., Попов, И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ; Астрель, 2003. 778 с.
- Lavrenov Sergei Ya., and Igor M. Popov. *Sovetskii Soyuz v lokal'nykh voynakh i konfliktakh*. Moscow: AST, 2003 [In Russian].
- Лебедева, М.М., Кузнецов, Д.А. Трансрегионализм – новый феномен мировой политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 71–84.
- Lebedeva, Marina M., and Denis A. Kuznetsov. "Transregionalism is a New Phenomenon in World Politics." *Polis. Political Studies*, no. 5 (2019): 71–84 [In Russian].
- Лукин, А.В., Мочульский, А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития // Аналитические записки НКСМИ. 2005. № 2 (4). С. 3–28.
- Lukin, Aleksandr V., and Aleksei F. Mochul'skii. "The Shanghai Cooperation Organization: Its Structure and Development Prospects." *Analytical Notes of the Scientific Coordinating Council for International Research* 4, no. 2 (2005): 3–28 [In Russian].
- Никитина, Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М.: Навона, 2009.
- Nikitina, Yuliya A. *ODKB i SHOS: modeli regionalizma v sfere bezopasnosti*. Moscow: Navona, 2009 [In Russian].
- Никитина, Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6 (15). С. 134–140.
- Nikitina, Yuliya A. "From Integration to Regionalism: The Evolution of Theories of Regional Interstate Cooperation." *MGIMO Review of International Relations* 15, no. 6 (2010): 134–140 [In Russian].
- Сафранчук, И.А. ШОС в системе региональных организаций в Евразии // Международная аналитика. 2015. № 2. С. 92–94.

Safranchuk, Ivan A. "The SCO in the System of Regional Organizations in Eurasia." *International analytics*, no. 2 (2015): 92–94 [In Russian].

Прохоренко, И.Л. Новый регионализм и трансформация международного порядка // Пути к миру и безопасности. 2015. № 2. С. 20–28.

Prokhorenko, Irina L. "The New Regionalism and Transformation of the World Order." *Paths to Peace and Security*, no. 2 (2015): 20–28 [In Russian].

Хонрада, Г.Д., Бокерия, С.А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. № 2 (23). С. 253–264.

Honrada, Gabriel J., and Svetlana A. Bokeriya. "The Shanghai Spirit and the ASEAN Way as the Foundations of a New Regionalism." *Vestnik RUDN. International Relations* 23, no. 2 (2023): 253–264.

Acharya, Amitav, and Alastair I. Johnston. "Comparing Regional Institutions: an Introduction." In *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective*, edited by Amitav Acharya, and Alastair Iain Johnston, 1–31. N.Y.: Cambridge University Press, 2007a.

Acharya, Amitav, and Alastair I. Johnston. "Conclusion: Institutional Features, Cooperation Effects, and the Agenda for Further Research on Comparative Regionalism." In *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective*, edited by Amitav Acharya, and Alastair Iain Johnston, 244–278. N.Y.: Cambridge University Press, 2007b.

Acharya, Amitav. "Comparative Regionalism: A Field Whose Time Has Come?" *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs* 47, no. 1 (2012): 3–15.

Acharya, Amitav. "Regionalism Beyond EU-Centrism." In *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*, edited by Tanja, A. Börzel, and Thomas Risse, 109–130. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Ahmad, Ishtiaq. "Shanghai Cooperation Organization: China, Russia, and Regionalism in Central Asia." In *Initiatives of Regional Integration in Asia in Comparative Perspective. United Nations University Series on Regionalism*, edited by Howard Loewen, and Anja Zorob, 119–135. Dordrecht: Springer, 2018.

Anadi, Anadi. "New Regionalism and Norm Creation: A Case of Shanghai Cooperation Organization." *Journal of Strategic Security* 17, no. 1 (2024): 100–111. <https://doi.org/10.5038/1944-0472.17.1.2184>.

Aris, Stephen. *Eurasian Regionalism. The Shanghai Cooperation Organisation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.

Barnett, Michael, and Etel Solingen. "Designed to Fail or Failure of Design? The Origins and Legacy of the Arab League." In *Crafting Cooperation: Regional Institutions in Comparative Perspective*, edited by Amitav Acharya, and Alastair Iain Johnston, 180–220. N.Y.: Cambridge University Press, 2007.

Cohen, Ariel. *China and the Shanghai Cooperation Organization: A Dragon Looks West*. Washington, D.C.: Heritage Foundation, 2006.

De Lombaerde, Philippe, Luk Van Langenhove, and Francis Baert. "The Problem of Comparison in Comparative Regionalism." *Review of International Studies* 36, no. 3 (2010): 731–753.

Fredholm, Michael. "Too Many Plans for War, Too Few Common Values: Another Chapter in the History of the Great Game or the Guarantor of Central Asian Security?" In *The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, and Challenges*, edited by Michael Fredholm, 3–19. Copenhagen: NIAS Press, 2013.

Hettne, Björn, and Fredrik Söderbaum. "The New Regionalism Approach." *Paliteia* 17, no. 3 (1998): 6–21.

Hettne, Björn. "The New Regionalism Revisited." In *Theories of New Regionalism*, edited by Fredrik Söderbaum, and Timothy M. Shaw, 22–42. London: Palgrave Macmillan, 2003.

Katzenstein, Peter J. "Regionalism in Comparative Perspective." *Cooperation and Conflict* 31, no. 2 (1996): 123–159.

Koremenos, Barbara, Charles Lipson, and Duncan Snidal. "The Rational Design of International Institutions." *International Organization* 55, no. 4 (2001): 761–799.

Obydenkova, Anastassia V., and Alexander Libman. *Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma*. Oxford: Oxford University Press, 2019.

Söderbaum, Fredrik. *Rethinking Regionalism*. Basingstoke: Palgrave, 2016.

Zhuangzhi, Sun. "New and Old Regionalism: The Shanghai Cooperation Organization and Sino-Central Asian Relations." *The Review of International Affairs* 3, no. 4 (2004): 600–612. <https://doi.org/10.1080/1475355042000241548>.

Сведения об авторе

Нинэль Яхьевна Гулам,

аспирант Института международных исследований МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 19 октября 2025.

Переработана: 12 января 2026.

Принята к публикации: 19 января 2026.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Гулам, Н.Я. Сравнительный регионализм в изучении деятельности ШОС: возможности применения // Международная аналитика. 2026. Том 17 (1). С. 30–50.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2026-17-1-30-50>

The Comparative Regionalism Perspective in the SCO Research

ABSTRACT

This article aims to reveal the potential of comparative regionalism to analyzing the effectiveness of regional associations to study and explain the functioning of the Shanghai Cooperation Organization, which was established during a period of major international political transformations and is now one of the key elements of the Eurasian security architecture. Particular attention is paid to A. Acharya and A. Johnston's institutional design theory, which facilitates studying the role and place of institutions in structuring the regional space regardless of the region under consideration, and also highlighting the differences between the highly specialized state-centered integration groupings that emerged in Europe in the second half of the 20th century, and regional initiatives that took shape in accordance with the logic of "new regionalism" – an international phenomenon that emerged during the collapse of the bipolar system. This theory's take on the SCO suggests that its institutional design (i.e. structure, ideological basis, decision-making and membership procedures) meets the interests and needs of the member states and is the result of the influence of both exogenous and endogenous factors. Proceeding from this, and in terms of its effectiveness in establishing multilateral regional cooperation between states with fundamentally different historical and cultural backgrounds, and sometimes even bilateral conflicts, one can conclude that the organization meets its objectives and is therefore successful.

KEYWORDS

SCO, regionalization, comparative regionalism, new regionalism, institutional design, Central Asia

Author

Ninel Ya. Gulam,

PhD student, Institute for International Studies, MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

Additional information

Received: October 19, 2025. Revised: January 12, 2026. Accepted: January 19, 2026.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Gulam, Ninel Ya. "The Comparative Regionalism Perspective in the SCO Research."

Journal of International Analytics 17, no. 1 (2026): 30–50.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2026-17-1-30-50>